

Случилось это в субботу, в выходной день. Вечерело. И хотя солнце уже спряталось за горизонт, от жары некуда было деться. Лёха – шофёр сельской мебельной фабрики – после поминок соседа и последующего обмывания с дружкой поросёнка, купленного у цыган, лежал на топчане под навесом сарая и не мог, да и не хотел ничего. Бедняга мучился от головной боли и неуёмного желания опохмелиться. Весь белый свет ему был не мил. Он жадно пил холодный квас, поставленный грозной женой перед его носом, и весь вечер выглядывал через забор на улицу, поджидая бабу Дуню – местную алкоголичку, которая должна была принести ему должок – бутылку водки, проспороенную ею на вчерашних поминках соседа. Как вдруг скрипнула калитка, и под навес к нему приблизилась знакомая фигура. Она молча застыла над ним, как изваяние.

– Чё пришёл... по делу или как? – спросил Лёха, не вставая с места, с трудом протягивая руку для пожатия.

– Понятно «или как», – отозвался напарник по «КАМАЗу» и вчерашнего обмывания поросёнка Колька. – Делать ничего неохота. Вот пришёл. Может, мы того...

Он красноречиво щёлкнул себя пальцами по горлу:

– Займёмся делом...

– Чё, сдурел? Здесь, чё ли?! Катька моя дома! Шчас визжать начнёт на весь посёлок! Да и нету

у меня ни грамма. Ненормальная – все бутылки вчера перебила! Хоть бы в рейс скорей! Вот смотри, чё сделала!

Лёха страдальчески, скорчив гримасу, показал синяк под глазом.

– М-м, да... несчастье. А у меня вот...

Колька приподнял полу футболки, и Лёха увидел на его животе счёсанную до крови кожу, а рядом два больших синих пятна.

– Моя Светка прошлась по мне, кстати, из-за обмывания твоей живности! – поведал дружок, жалостливым тоном.

– Да... житуха наша... – глубококомысленно изрёк Лёха и надолго замолчал, всем видом показывая, что он его понимает, а затем добавил:

– И баба Дуня куда-то запропастилась...

– Спит где-то наша подруга. У тёщи моей поллитра водки выпросила, когда деда закопали. Рада была.

– Везёт же, – завистливо протянул Лёха и задумался.

Колька покивал головой и тоже задумался. Вдруг воскликнул:

– Слушай, дружбан! Сердце болит, а душа просит... А у тебя?

– Ещё как просит! – востропнулся Лёха, приподнявшись с подушки. Глазки его заблестели, в них появился большой интерес к жизни. – Чё ли... имеется?

– Имеется... на кладбище, – изрёк Колька.

– Где-е?!

– Где-где? На кладбище нашем... сельском! Я видел, как тёща прятала там от меня, на могилке своего деда, трёхлитровый баллон самогона, что остался от его вчерашних поминок. Заодно и помянем его... опять, а... Лёха? И тёщеньке моей... напакостим чуть-чуть, а?

– Не-е... На кладбище? Ночью? Я не пойду! – сначала категорично заявил Лёха, поглядывая на небо, затянутое грозowymi тучами. Потом, явно борясь с соблазном, изрёк:

– Или пойти... а, Колька? Но там же мёртвые с косами стоят!

Вспомнив фразу из известного кинофильма, продолжал:

– Не, Колян, мне как-то это... м-м... нет! – неуверенно отказывался он.

– Лёшка! Лёшка! – вдруг услышали они призыв Катьки и затаились. Лёха успел прижать палец к губам, показывая Кольке, чтобы тот молчал.

– Лё-ш-ка! Иди, с дитём посиди! Я за молоком к соседке сбегаяю! – настойчиво призывала его жена.

При свете лампочки им было видно, как она сняла с частокола стеклянную банку и направилась к калитке. Оттуда в темноту снова прокричала:

– Лёшка! Не вынуждай меня! Иди к дитю! Я ушла!

Уверенная, что он её слышит и не посмеет послушаться, она покинула двор.

– Колян, ну ты... вот ты... ну... Ну, где ты днём был? – зло ругнулся Лёха, страдая, что выпить ему сегодня уже не удастся. – Не... ну ты даёшь! ночью на кладбище?! Ну нет... дружбан! Вот днём бы я пошёл!

Зло чертыхаясь, он встал с топчана.

– Лёха, стой! – Колька в отчаянии ухватился за его руку.

– Два литра отборного самогона! Друг, ну?! – уговаривал чуть не плача Колян.

– М-м... Колян, чё ты так поздно?! Ну... не могу я! Сын зовёт! – разрываясь между зовом души и тревогой за ребёнка, нервничал Лёха. – Эх!

С сожалением махнув рукой, он бросился в дом.

А Колян и выпить невыносимо как хотелось, и одному ночью идти на кладбище было жутко. Раскинув мозгами и что-то решив для себя, он улёгся на Лёшкин топчан и не заметил, как задремал. Проснулся от громких

голосов, доносившихся из открытого окна дома.

– Ты уже, как твоя собутыльница баба Дуня, водку жрёшь литрами! Развожусь! – кричала Катька сильно надорванным голосом.

– Золотиночка моя! Вот «КАМАЗ» отремонтирую и уйду в рейс. И всё, Катюха! Завязываю! Честно! – клялся Лёха, вымаливая у неё прощение.

– Нам послезавтра к соседке Люське на свадьбу идти, а у тебя морда опухла, как жоп... у нашей свиньи! Стыдобище! – кричала Катька.

– Это ж какая по счету свадьба у этой Люськи?! Я не успеваю этой вечно молодящейся, многоразовой невесте на подарки зарабатывать! – возмутился Лёшка, обзывая свою соседку самыми плохими словами.

– Ну и что, что не первая?! Баба счастье своё ищет, бедная!

– Люська бедная?! Да это жених её будет бедным!

Слушал Колька семейную перепалку и, решив, что он здесь лишний, поспешил к калитке на выход. Но перед самым его носом резко распахнулась дверь, и сильно возбуждённый Лёха, чуть не сбив его с ног, выскочил на порог дома, корпусом подпёр дверь, пытаясь накиннуть задвижку.

– Помоги! – взмолился он, увидев рядом друга.

Колька усердно надавил дверь плечом.

– Открой! Открой, паразит! – яростно барабанила Катька по запертой двери, явно готовая физически объяснить Лёхе, что пить водку негоже.

Бросая дверь, Лёха прохрипел:

– Бежим!

– Куда?! – ничего не понимающий Колька затрусил следом, в темноте наступая ему на пятки.

– На кладбище! – рывкнул Лёха и резко остановился.

Колька с ходу врезался в него, сбив с ног.

– Ты чё, ослеп, чё ли? – ругнулся Лёха, с помощью Кольки поднимаясь с земли.

– Так у тебя ж рост, как частокол в моём цветнике! Переступить можно! – огрызнулся Колька, поглаживая задетый Лёхой бок.

Молча, затаив друг от друга собственные страхи, они обогнули зияющий тёмными провалами недостроенный сельский клуб, бегом

пересекли прилегающий к клубу парк отдыха и мебельную фабрику, на которой работали водителями «КАМАЗа». Выскочили к остановке возле кладбища. Там, укрывшись от наступающего дождя, целовалась влюблённая парочка, и Лёхе показалось, целуется его соседка Люська. Но разглядывать было некогда, и он только буркнул в сердцах:

– Во дают ребята! И мертвецов не боятся!

– Ага. Даже дождь им не помеха, – добавил Колька.

И, не задерживаясь, они быстро пересекли асфальтовую дорогу, отделяющую посёлок от погоста, но, ступив на территорию мёртвых, оробели. Кресты им показались вставшими в рост мертвецами, а могилы – буграми, из-за которых «хозяева» подглядывали за ними с острыми косами.

– Лёха, они шевелятся, – еле выдавил из себя фразу Колька, пугливо присев на корточки возле одной из могил.

– Вижу. Иди первым, – прошептал Лёха, уступая ему дорогу.

– Не... я боюсь... давай ты.

– Так твой же родственник там лежит.

– И что?

Пока они, перешёптываясь и чуть ли не умирая от малейших шорохов, на трясущихся ногах добирались до тещинового тайника, со стороны другого конца кладбища в то же самое время два мужика тащили на себе тюки обивочной материи для диванов, сворованные с сельской мебельной фабрики. Рассчитывая спрятать товар в глубине кладбища, они вдруг услышали приближающиеся к ним мужские голоса и, решив, что их вычислила полиция, бросили тюки в свежеекопанную могилу рядом с могилой Колькиного родственника и дали дёру.

– Колян... – прошептал Лёха, заметив вдали человеческие силуэты и покрываясь липким потом, – мне показалось, или и вправду мертвецы побежали?

– Ага... бегают, – Колька от страха присел на корточки.

– Давай вернёмся, – еле разжал сведённые в судороге челюсти Лёха.

– Не, ну... там же два литра самогона! Ты чё, Лёха?! Тут же рядом уже! – возмутился Колька.

Преодолевав жуткий страх, он поднялся, сделал несколько шагов вперёд и зло приказал:

– Иди за мной!

Лёха на ватных ногах приблизился к дружку, схватил его за руку, и путь их продолжился.

А днём местная алкоголичка баба Дуня (та самая, которая Лёхе на поминках соседа проспорила бутылку водки и которую он с нетерпением весь день поджидал, выглядывая из-за забора собственного дома) осталась «в глубоком горе» на могиле Колькиного родственника с остатками самогона, который тут же употребила и крепко заснула. Проснулась она ночью от непонятного ей шума. Завидев вдали огни родного посёлка, поспешила домой. Но, не разглядев под ногами яму, свалилась в неё. Однако приземлилась удачно... Покритиковав кладбищенских начальников за отсутствие знаков об опасности, старушка всё же поблагодарила их за мягкую постель. И, устроив своё усталое тело на тюках ворованной материи, блаженно сомкнула веки...

А в это время закадычные друзья, достигнув цели, попадали на бугор могилы, в которой собиралась почивать баба Дуня, и несколько минут приходили в себя после перенесённого стресса. Отдышавшись, Колька, стараясь не глядеть по сторонам, порылся в углу соседней оградки в кустах сирени, на ощупь нашёл там уже неполный баллон самогона, протянул его Лёхе и облегчённо выдохнул:

– Наливай!

– Ёкэлэ.. стакан забы... – недоговорил Лёха и онемел: из глубины ямы тянулась человеческая рука со стаканом в скрюченных пальцах, и хриплый женский голос радостно провозгласил:

– Стакан у меня есть! Хлопцы, налейте опохмелиться!

– П-покой-ни-ни-ц-ца! – охнул Лёха с выпученными глазами, пытаясь выдавить из себя крик о помощи, но горло его не слушалось. Хотел бежать – ноги отказали.

«Парализов...» – мелькнула у него мысль и тут же потерялась, ибо «покойница» уже выбиралась к нему из могилы с ловкостью акробата и скоростью спринтера. И когда, присев рядом с ним, она дунула в стакан, очищая его от пыли, у него вдруг прорезался голос, а пятки замелькали быстрее, чем у олимпийского чемпиона. Радостный возглас бабы Дуни: «Хлопцы! Спасибо за самогон!» – он уже не слышал. Бедняга мчался к выходу из «ада» на всех парусах,

не разбирая дороги. И вдруг в темноте, налетев ещё на одного «сверкающего пятками покойника», хотел было рвануть в сторону, но тот уже успел ухватиться за его майку и не отпустил от себя. Обернувшись, он кулаком ударил «усопшего» в челюсть, как вдруг при вспышке молнии узнал Кольку.

– Ты?!

Выдохнул бедный Лёха, задержав другой кулак в воздухе.

– Ты?!

Дохнул на него перегаром Колька.

И оба они, не сговариваясь, прибавили скорости, соперничая друг с другом на узкой дорожке между могилками.

– Я думал, покойники озверели... а это ты... – хрипел Колька, задыхаясь от бега.

– Заткнись! И отпусти мою майку – порвёшь!

Не останавливаясь, Лёха усиленно отдирает пальцы Коляна от своей футболки. Но тот держался за дружка мёртвой хваткой.

А небо к этому часу уже расшалилось не на шутку. Готовое пролиться ливневым дождём, оно и грохотало, и сверкало, и выло. И, как дружкам казалось, и плакало, и стреляло, отчего сильно прибавляло им ощущение жути. А когда до дороги оставалось совсем немного, Лёха, опасаясь, что рост Коляна привлечёт внимание новых «оживших покойников» и им «берега» не достичь, энергично работая лопатками, зло просипел:

– Пригнись, жердина двухметровая! Они башку тебе скосят!

И Колька, втянув голову в плечи, послушно согнулся пополам. Но, пытаясь обогнать дружка на повороте, вдруг зацепился рубашкой за ближайший крест и чуть не умер со страху, покрывшись холодным потом. «Догнали мертвяки!..» – пронеслось в голове. Но не успел он додумать эту мысль, как из креста выпорхнула потревоженная им птица, с лёта уселась ему на плечо и захохотала в ухо отвратительно-гнусавым звуком. Приняв её за потустороннюю сущность, он в мгновение ока оказался на дереве, лишившись голоса.

Что с Колькой случилось, и когда он успел впрыгнуть на сосну, Лёха не видел и не слышал. Он слишком торопился к выходу из гиблого места и не сразу понял, что надоевший дружок наконец отцепился. Но и испытать радости тоже не успел. Существо, лишившее

дара речи Кольку, с криками и хохотом нападало уже на него самого. А поскольку у страха глаза велики, бедняга, уклоняясь и отмахиваясь от кружащей над ним живности, при раскате грома и вспышки молнии принял филина за летающего птеродактиля из доисторического периода. И, решив, что он уже в аду, упал на ближайшую могилу и замер на ней, как божья коровка в момент опасности, имитируя собственную смерть.

«Господи! Спаси меня, Боженька! Всех любить буду! И детей! И Катюку! И в рот больше не возьму! И от дружков откажусь!» – мысленно обещает он Богу завязать со спиртным навсегда, если тот спасёт его от чудища.

И пока его молитвы добирались до высшей инстанции Неба, живность эта, по его меркам, «ещё та тварь», издав жуткий победный клич, как в родное гнездо опустилась ему на макушку и, топчась по лысине, стала выбирать удобное для себя положение. Мурашки, как муравьи по террикону, поползли по всему его телу. А когда она ещё и пометила отвоёванную на нём территорию, Лёха взвыл:

– Боженька! Да услышь же ты меня! Боженька! Только чай! Буду пить только чай! Спаси, родной! – обливаясь холодным потом, молил он Бога, боясь оторвать голову от земли и пошевелиться.

И надо ж такому случиться! В тот же самый момент по дороге в посёлок мимо их злосчастного местопребывания не спеша двигалась та самая влюблённая парочка с автобусной остановки (а это была его соседка Люська с новым женихом, к которой он не хотел идти на свадьбу). Погода влюблённых не пугала. Они пребывали на вершине амурных чувств. И место их нахождения не играло для них никакой роли.

– Я люб-лю те-бя! Выходи за меня замуж! – расплылся над головами до смерти запуганных товарищей-собутыльников захлёбывающийся от счастья мужской голос.

– Я тебя то-о-же! – эхом разносился над ними неземной смех влюблённой женщины.

У бедного Кольки от мысли, что «мертвецы ещё и женятся», сердце подступило к самому горлу и стало мешать ему дышать. Его призыв о помощи напоминал отпугивающее шипение потревоженной гадюки.

А Лёха, приняв возгласы влюблённых за развлечения покойников в той самой могиле, на которой он затаился, вдруг почувствовал себя маленькой-маленькой мышкой и стал лихорадочно глазами искать норку, куда бы заползти. Но когда та тварь, примостившаяся ему на макушку, начала клювом перебирать на его голове редкие волоски и издавать хохочущие звуки, а тут ещё и безмолвный Колька, уклоняясь от очередной молнии, упал на него сверху, он уже не осознавал своих действий.

– А-а-а! – орал он не только всей глоткой, но и всем своим хмельным нутром, принимая Кольку за озверевшего покойника.

– У-у-у-у-у! – взвыл волком Колька, заражаясь криком от неопознанного им Лёхи. И их лужёные глотки накрыли звериным воем не только погост, но и посёлок.

А влюблённые?

Влюблённые, слышав жуткий хохот птицы и дикий человеческий ор с могилок, прервав поцелуй, долю секунды пребывали в ступоре, стараясь понять, что это было. Как вдруг, не сговариваясь, оба огласили округу визгом, в разы усиливающим какофонию горе-друзей. И тут же бешеный топот ног жениха раздался по асфальту, удаляясь к остановке.

Невеста осталась визжать на месте...

Приняв ор влюблённой парочки за окончательно озверевших покойников, Лёха сбрасывает с себя воющего ему в ухо Кольку и, как скаковая лошадь, перепрыгивая через могилки, несётся к спасительной дороге, за которой уже маячит посёлок. Но на асфальте вдруг налетает на визжащую, как недорезанная свинья, ещё одну «покойницу», сильно похожую на Люську, и на грани окончательного умопомрачения сталкивает её с дороги в кювет. За считанные секунды добежав до дома, оказывается у Катьки под одеялом, где долго бьётся в муках совести за неправильно прожитую жизнь. И только когда жена, сонно посетовав на его длительное отсутствие, нежно прижала его голову к своей груди, он, умиротворенно прошептал «золотничка моя», уснул.

Наутро, подавая мужу завтрак, Катька проговорила:

– Ты не в курсе, шо там сегодняшней ночью на кладбище нашем случилось? А, Лёха?!

– Нет! А что?! – испуганно переспросил Лёха, подхватываясь из-за стола.

– Да ты сиди, сиди, – успокоила его Катька, – кушай, кушай. На Люську, соседку, нашу невесту, вчера возле кладбища оживший мертвец напал. Не в курсе? Нет? Ногу ей поломал... Чё, не слышал?

Театрально скрестив руки на груди и громко возмущаясь, она продолжала:

– У-у-у! жених-то негодяй оказался! Бросил её на мертвеца и убежал! Свадьба-то отменяется!

– Жаль, Катюха! Ты не поверишь, я просто мечтал... поплясать на этой свадьбе, – облегчённо выдохнул Лёха, пытаясь скрыть свои чувства и радости, и вины, поняв, что хоть на асфальте был не мертвец. Уткнувшись в тарелку, он стал быстро орудовать ложкой.

А Катька, как специально, нагнетала:

– У бедной Люськи теперь вся жизнь пошла наперекосяк! И всё из-за кладбища! Жених её – придурок! Место нашёл: возле могилок в любви признаваться! Теперь она опять одна... бедная! Только не пойму я, муженёк, как мог ногу ей поломать покойник?! А?! Ты не в курсе? Нет? Лёха?!

Сомневалась Катька искренне, сочувствуя Люськиному горю, а Лёхе казалось, что она вытягивает из него признания, где он всю эту ночь пропадал. Доведённый её рассуждениями до нервного срыва, он не выдержал:

– Заладила: «мертвец, покойник, из-за кладбища!» Люську ей жалко! Пусть она тому мертвецу спасибо скажет, что только ногу ей поломал, а не сунул в глотку дрючок, когда орала! Лучше за жениха порадуйся! От дуры сбежал. Он мне... ой, мертвецу этому бутылку водки должен поставить! Тьфу ты! Весь аппетит отбила!

Он в сердцах бросил ложку на стол, выскочил во двор и неожиданно столкнулся с Колькой. Дружок, расплывшись в широкой улыбке, бурно проявляя эмоции, полез обниматься.

– Лёха! Лёха! – искренне радовался Колян, видя дружка живым и невредимым. Тайком показывая из-под полы рубахи бутылку с самогоном, продолжал:

– А я думал... капец тебе пришёл, там, на могилках. Ты так кричал, так кричал и... выл... Чтоб отпугнуть ту нечечь, да? – захлёбывался он от переполнявшего его чувства радости.

– Слышь, дружанок! А ну, проваливай отсюда! Алкотип!

И без того доведённый до белого каления Катькой, Лёха, оттолкнув прилипшего к нему Кольку, с силой вырвал из его рук бутылку и разбил об угол дома, указав на выход.

– Из-за чего?! – возмутился Колька, с болью в сердце глядя на последние капли спиртного, покидающие разбитую посудину. Кадык в его горле ходил, как поршень в жерновах.

– Из-за кладбища! – рявкнул Лёха. – Я своё уже выпил! – добавил он, закрывая за дружкой калитку навсегда.

* * *

Прошло несколько дней.

Катька, счастливая, что муж всё это время трезвый, решила его порадовать – торжественно положила перед ним районную газету и ткнула в неё пальцем:

– Лёша, гляди! Наша баба Дуня пропечатана... с портретом. Она сама принесла эту газету тебе. Трезвая...

Катька с любовью погладила мужа по голове, чмокнула в щёку и ушла.

Заголовок статьи гласил: «Это случилось на кладбище».

И дальше по тексту: «Жительница посёлка «Советский» Воронова Евдокия Фёдоровна, ухаживая за могилами на местном кладбище, неожиданно оступилась и упала в яму, где обнаружила схрон ворованного товара с мебельной фабрики. Она сообщила об этом в полицию. Хозяин предприятия щедро одарил старушку подарками».

– Так это была баба Дуня!

Радостно, во всю мощь своих лёгких, захотел Лёха, чувствуя, как хорошо стало у него на душе...